

Н.А. Дурова

Угол

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.А. Дурова**
Угол / Н.А. Дурова – М.: Книга по Требованию, 2023. – 97 с.

ISBN 978-5-518-09923-4

ISBN 978-5-518-09923-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

-- Я не вашего мнения. Богатство, приобретенное трудом, хорошо веденным расчетом, неусыпностью, служит достойною наградою тому, кто умел нажать его; но употребление или, лучше сказать, злоупотребление богатством предосудительно и заставляет сожалеть, что случай так худо поместил его.

-- То есть злоупотреблением богатством хотите вы назвать лишнюю роскошь?

-- Да! Неуместную, неприличную *им* роскошь.

-- Я что-то худо понимаю вас, графиня. Какая ж роскошь неприлична *им*?

-- Роскошь утонченная, роскошь высшего круга, изящная, которой они не могут ни понять, ни оценить и которой следуют как будто по инстинкту, наугад, но в душе она им совсем не нравится и очень не по вкусу.

-- Извините, графиня; если я попрошу вас изъяснить мне эту разницу между роскошью утонченною и неутонченною,-- имейте снисхождение к моему провинциализму.

-- *Fi donc, ma chere!* Что за выражение "провинциализм" ! Пожалуйста, отвыкайте от него в обоих смыслах.

-- Постараюсь, графиня. Но, сделайте милость,-- о роскоши утонченной; что она такое?

-- А вот что: замечаете ли вы какую разницу между каретами моею и Федуловой?

-- Замечаю, графиня. Карета Федуловой лучше.

-- Хорошо. Замечание ваше справедливо. Теперь, каким кажется вам наряд ее и дочери? Вы, я думаю, успели рассмотреть его. Чем отличается он от наряда знатнейших дам наших?

-- Самой Федуловой -- ничем; убор ее одинаков с вашим, княгини Орделинской и многих других. Тоже бриллианты, бархат, блонды, все дорого, пышно, красиво, высокой работы и модного покроя. Но дочь ее отличается от всех, и если сказать правду -- очень выгодно для себя: она одета с какою-то пленительною простотою, что делает ее восхитительно прекрасною.

-- Вот это-то все и называется роскошью утонченною. Например, фасон и отделка кареты, стати лошадей, высокая

работа упряжи есть роскошь утонченная, на которую разбогатевший крестьянин Федулов не имеет права и которая ему совсем нейдет.

-- Боюсь показаться вам бестолковой, графиня! Но, из милости, позвольте сделать вам еще вопрос: почему нейдет Федулову сидеть в щегольской карете и почему он не имеет на это права, когда он теперь купец первой гильдии и вместе именитый гражданин?

-- Вы в самом деле, милая, немного беспонятны; однако ж нечего делать с вами, буду рассказывать по пальцам. Именитый гражданин Федулов и семья его имеют полное право ехать в карете; но недавний *мужик Федулов* не должен бы, кажется, предпочитать изящное, высокое -- прочному и полезному, по крайности, так говорит здравый смысл. Я не знаю, как он сам чувствует себя в этой карете, но уверена, что толстая Федулова каждую минуту вздрагивает, чтоб ее легкий, красивый экипаж не опрокинулся от собственной ее тяжести; чтоб эти воздушные, статные кони не взвились с нею под облака; и верно, ей до смерти неловко, что она своего наряда не слышит на себе; ей кажется, что она раздета, что на ней вовсе ничего нет. Она даже худо знает название всего того, что носит, но тем не менее бросает десятки тысяч, чтоб иметь все самого лучшего фасона и достоинства: наряд ее, в высокой степени изящный, делает ее смешною (потому что в ней самой ничто ему не отвечает) и служит доказательством дурного употребления богатства, хорошо приобретенного. Эта девочка, эта ничтожная Фетинья Федотовна, которой своенравная природа дала род красоты совсем ей неприличный и вовсе бесполезный, эта девочка, говоря, не должна бы так одеваться; такая прелестная простота показывает тонкий вкус и принадлежит одному только высшему сословию... Смешна была эта выходка природы! Девчонка Федулова получила в удел красоту, приличную одним только владетельным князьям!.. В ней есть что-то благородное, гордое, величавое и вместе милое до очарования... Это нестерпимо! К тому же эта хитрая постигла, что столько совершенств не надобно портить лишним нарядом, и вот она одета так, что даже женщины

находят ее прекрасною! Но всего хуже и всего досаднее для меня, что она и не думает стыдиться смешного имени -- Фетиньи Федотовны.

-- Другие за нее стыдятся.

-- О, если б так было! Авось тогда и мой...

Графиня, завлеченная досадою за пределы осторожности, вдруг спохватилась и замолчала. Простодушная компаньонка этого не заметила; но, не желая, чтоб разговор, столько ее интересующий, прекратился, спросила опять:

-- Отчего ж, графиня, вам досадно, что девица Федулова не стыдится своего имени?

-- Оттого,-- отвечала графиня, снова уступая чувству, не дающему ей времени обдумывать слова свои,-- оттого, что это показывает силу ума, а есть ли что в свете могущественнее, как ум и красота вместе? Царства трясутся в основании своем от соединения этих двух необоримых сил.

-- Мне кажется, графиня, что вы слишком уж резко изображаете два драгоценнейшие дара природы; вы говорите об них, как будто о какой-нибудь всеразрушающей буре!

Графиня молчала. Взор ее беспокойно переносился чрез всю линию экипажей, медленно движущийся один за другим. Подождав с минуту, компаньонка, хорошо знавшая слабость графини, в избытке чувств высказывать все, что их тревожит, начала говорить:

-- Впрочем, если вникнуть хорошенько, то описание ваше верно. Точно ум и красота, когда они вместе, побеждают, созидают и разрушают все, смотря по тому, чрез кого, на кого и в каких обстоятельствах действуют. Но я только не могу понять, графиня, что вам до того, хороша или дурна, умна или глупа Федулова; мне кажется, для вас это должно быть все равно.

Ответ на этот вопрос был довольно затруднителен, и лучше всего было бы не отвечать на него, но графиня имела несчастную и вместе смешную слабость непременно отвечать на всякий вопрос, и исключительно на такой, который ставит ее в затруднительное состояние открыть то, что непременно должно было б быть скрыто. Графиня отвечала:

-- Что мне до того, говорите вы? О, очень много, моя милая,

очень много! Я все теряю: мои планы, замыслы, надежды могут разрушиться невозвратно именно от того, что своенравная судьба дала Фетинье ум и красоту вместе.

Компаньонка открыла большие глаза. Но графине трудно уже было остановиться, да и поздно; она столько сказала, что надобно было продолжать, что она и сделала.

-- Да, милая! Неуместное соединение ума и красоты в молоденькой мещанке Федуловой будут причиной, что лестнейшие надежды мои не сбудутся!.. Посмотри, где карета Федуловых?

-- Вон в том ряду, графиня, наискось против нашей. В самом деле, как хороша молодая Федулова!

-- Кто из наших молодых людей едет близ ее кареты?

-- Много, графиня! Я не всех знаю: но вот из знакомых: два брата Лелевых; конногвардеец Рагоцкий; лейб-гусары: Верхоглядов, Мазовецкий, Сербицкий и Урбанович. Все они то подъезжают к окну кареты, то опять отъезжают и, как будто показывая пред красавицей Фетиньей удалство коней своих, беспрестанно делают скачки и курбеты; один только граф Жорж едет шагом и вплоть у окна...

Компаньонка вдруг замолчала: новая мысль озарила ум ее.

-- Так неужели, графиня, думаете вы!..-- воскликнула она и опять замолчала, как будто не смея кончить своего вопроса. Графиня горько сожалела, что навела ее на эту догадку. Восклицание компаньонки показывало, что она только сию минуту поняла причину нерасположения графини к Федуловым.

Вся гуляющая процессия остановилась на несколько минут, потому что переднему экипажу встретилось какое-то затруднение. Остановкою этою спешили пользоваться многие, в том числе важный и сановитый купец Федулов, так скоро, как позволила ему толщина его, выставляется в окно кареты, чтобы позвать лакея, и вот дверца блестящего экипажа отворилась, тучный Федулов, с окладистою бороною, в сюртуке самого дорогого сукна, в бобровой шляпе, вышел из кареты.

-- Прощай, Матрена Филипповна, воротитесь, пожалуйста,

к чаю домой. Прощай, Фетиньюшка.-- Купец хотел уж идти, но в эту минуту увидел графа Тревильского, который, чтоб оставаться близ кареты Федуловых под благовидным предлогом, заставлял свою лошадь то прыгать, то становится на дыбы. Покачав неодобрительно головою, купец, казалось, был в раздумье, не сесть ли опять в карету; с полминуты стоял он в нерешимости на одном месте, однако ж благоразумие взяло верх, и Федулов удовольствовался только повторить жене своей просьбу воротиться к чаю домой. После этого он уж, не раздумывая и не разглядывая прыжков графского коня, стал пробираться чрез площадь на тротуар.

Однако ж маневр графа не спас его от разлуки с прекрасной Фетиньей.

Графиня, тоже очень обрадованная этой остановкой, тотчас воспользовалась ею и приказала человеку позвать к ней сына.

-- Милый Жорж! Поезжай, пожалуйста, к княгине Орделинской, вон ее карета в том ряду; скажи от меня, что я очень интересуюсь знать, какие вести получила она из Мадрида.

Когда граф оборачивал уже лошадь, чтоб ехать, куда его посылали, графиня прибавила:

-- Ответ ее перескажешь мне после, а теперь, сделай мне удовольствие, останься близ нее до конца гулянья.

Графиня говорила все это тоном столь ласковым и кротким, что компаньонка, не видевшая лица ее, закрытого широкими полями шляпки, никак не подозревала, чтоб слова и голос Тревильской был в величайшей противоположности с выражением глаз ее и физиономии; в том и другом молодой граф видел угрозу и упрек.

Хотя приказание матери было как нельзя более неприятно юному Тревильскому, однако ж он исполнил его ловко, непринужденно и, по наружности, охотно. Искренность заменилась вежливостью, и престарелая Орделинская приняла за чувство сердца те выражения, какими учтивый граф передал ей желание матери своей узнать о том, что пишут княгине из Мадрида.

-- Много радостного, любезный граф! Я надеюсь, что скоро все мы будем очень счастливы. Невестка моя возвращается

сюда. Она пишет, что Целестина совершенно выздоровела и очень поправилась: выросла, пополнела, похорошела, стала бела, румяна, как кровь с молоком! О, путешествие -- спасительное средство для больных и приносит великую пользу!

Старая дама была чрезвычайно довольна, что молодой человек не отъезжал от окна ее кареты и постоянно поддерживал любимый разговор княгини о выздоровлении и возвращении внуки ее, *малютки Целестины*, которой, мимоходом сказать, минуло уже двадцать три года и которой красота приводила в восторг одного только турецкого посланника, и то тогда, когда Целестина сидела, но если вставала или ходила, Ибрагим восклицал с прискорбием -- разумеется, мысленно: "О, аллах! За что мудрость твоя наслала такое поношение на красоту этой прелестной, полной луны!"

Княжна Целестина Орделинская, *малютка*, по словам ее бабки, и *полная луна*, по мнению *наши Ибрагима*, была, в глазах всей остальной массы людей, *дева* гораздо более нежели полная, с красивым ростом флангового гвардейца. Эту Пелегрину, в своем роде, желала приобрести графиня Тревильская для своего сына, единственного ее наследника, графа Георга Тревильского.

Князь Орделинский, отец Целестины, давно уже находился при испанском дворе в качестве посланника; но княгине почему-то не нравилось жить в Мадриде, и она, верно, не вздумала бы ехать туда, если б мать князя не потребовала настоятельно от своей невестки, чтобы она отправилась сперва путешествовать, а после присоединилась к мужу.

-- Давно бы тебе, мать моя,-- говорила недовольная свекровь,-- давно бы надобно подумать об этом! Посмотри на Целестиночку, на что она похожа! Настоящий заморыш, совсем испитая, ни цвету, ни роста, ни полноты! Поезжай, пусть ее подышит воздухом чужих земель, авось расцветет.

Разговор этот был за три года до того гулянья, о котором теперь идет речь. Целестине было тогда девятнадцать лет и она точно была сухощава, тонка и не слишком высока; и хотя не похожа была на испитую, как называла ее бабка, однакож

по виду в самом деле казалась больною: цвет лица ее редко когда оживлялся; во всех движениях заметно было какое-то бессилие, изнеможение и лень, как то бывает у людей, непомерно растущих; но как тогда не предвиделось еще гигантского роста для Целестины, а просто приписывали ее вялость, лень, слабость, неповоротливость болезненному телосложению, то бабка, любившая ее до чрезвычайности, встревожилась и, полагая, что одна только перемена климата и движение могут укрепить силы захиревшей внуки ее, употребила столько убеждений, просьб, упреков, угроз, ворчанья, что княгиня, невестка ее, готова была уехать от них в Камчатку, не только в теплые и прекрасные стороны юга.

Три года прошли, и старая Орделинская с торжеством рассказывала всем, кто хотел и кто не хотел слышать, то же самое, что рассказывала молодому Тревильскому, то есть что ее Целестиночка сделалась как кровь с молоком, выросла, пополнила, похорошела и что скоро возвратится радовать всеми этими совершенствами ее, свою бабку. Впрочем, как это радостное известие пришло накануне гулянья вечером, то и неудивительно, что она не успела сообщить его той, которую оно более всех должно было интересовать,-- графине Тревильской.

Задолго еще до отъезда княжны Орделинской в чужие края положено было между семействами Орделинских и Тревильских выдать Целестину за Георга и чрез то соединить имущества обеих фамилий.

Молодой Тревильский, не находя, что сказать против выбора, сделанного его матерью, не противился этому распоряжению и очень покойно готовился сделаться мужем Целестины. По этому ходу вещей и безусловному повиновению графа предполагаемый союз давно бы состоялся, если б *малютка Целестиночка* не стала хиреть от часу более, может быть, от тех усилий, которые делала натура вытянуть ее трехаршинный рост, а может быть, и от беспрестанной неги, пестованья, шнурованья, танцеванья и двадцати других причин, мелочных, неприметных, но тем не менее успешно разрушающих здоровье.

В три года, проведенные в чужих краях, княгиня

Орделинская-мать с испугом увидела, какую великую, неожиданную, а всего более нежеланную перемену произвело путешествие в ее дочери: рост княжны сделался просто страшен; ее можно было б показывать как чудо; полноту же ее без церемонии позволялось бы назвать толстотою, если б она не скрадывалась несколько ее огромным ростом, при нем только она казалась сносною, но не более, однако ж, как сносною. Лицо молодой девицы, прежде бледное, желтоватое, худое, но со всем тем довольно приятное, теперь сделалось кругло как месяц, бело как молоко, гладко как мрамор, цвело самым смелым здоровьем, кожа на нем светилась как под лаком и ко всему этому во всех чертах ни искры чувства, ни тени ума! Это была колоссальная статуя, прекрасно отработанная; большие голубые глаза, красиво оправленные, не выражали никакой мысли; казалось, что это фарфор разрисованный; уста ее, румяные и хорошей формы, улыбались всегда очень бессмысленно, и, сверх того, улыбка эта придавала еще какую-то противность лицу ее, и это было единственное изменение, какое делалось в ее совершенно неподвижной физиономии.

Молодой Тревильский хотя и не знал еще ничего о том богатом приращении в вышину и ширину, какое получила его нареченная невеста, малютка Целестиночка, от благословенного климата теплых стран, начал, однако ж, почему-то чувствовать смертельное нехотение сделаться ее мужем. Не раз уже приходило ему на мысль, что он слишком скоро и безусловно покорился воле матери в важнейшем случае своей жизни. Его видимо беспокоил и приводил в замешательство всякий разговор о княжне Орделинской, ее скором возвращении, свадебных приготовлениях и бесчисленных планах в отношении к их общей будущности, обо всем этом графиня толковала с наслаждением, часа по два сряду, не замечая, что сын ее в это время отирал холодный пот с лица и мысленно призывал на помощь все препятствия и затруднения, какие только существуют в мире, чтоб расстроить союз, который он начал считать гробом своего счастья. Судя по этим чувствам, можно угадать, чего

стоило графу исполнить приказание своей матери оставаться близ княгини Орделипской до самого конца гулянья и слушать, улыбаясь радостно, нескончаемый разговор о малютке Целестиночке.

Но вот наступила пора разъезжаться. Экипажи пустились в разные стороны, карет от часу становилось менее, и, наконец, молодой граф вздохнул свободнее, услышав, что старая Орделинская, пожелав ему доброго вечера, приказала кучеру ехать домой.

Как птица, вырвавшаяся на волю, полетел Тревильский мимо остающихся еще экипажей в надежде увидеть в ряду их карету Федуловой; но как лучший тон оставил уже место гулянья, то что ж могло удержать там Федулову? Что она будет делать между теми, которым гулянье в такую диковину, что они как можно позже с ним расстанутся? Нет, наперекор всему Федулова постоянно копирует поступки людей высшего тона; она приезжает и уезжает в условное время, никогда, ни одною минутою не продолжит своего визита долее, нежели позволяет приличие; одета всегда богато, со вкусом, с изяществом даже; она дорого платит, чтоб быть так одетой, потому что у нее самой вкус только ее *природный*, и если б она последовала ему, то вместо эфирных газов, тонких, как паутина, кружев прелестных цветов она охотно бы надела парчу, которую нельзя согнуть, как будто она выкована, а не соткана; на шею повязала б сорок ниток жемчуга; на голову платок, такой, от которого блистало б, как от солнца, и, облеченная во всю эту лепоту, любовалась бы ею пред старинным туалетом столько же, сколько и свою роскошную толщиною, которую теперь она, скрепя сердце, без милосердия стягивает шнуровкою.

Итак, кареты Федуловых нет... Граф теперь только способен видеть вещи как они есть и, чувствуя, что смешно оставаться среди толпы людей, с которыми он не имеет ничего общего, притрогивается легонько шпорою к крутому боку своего арабского коня и улетает, несясь галопом стройным, ровным, быстрым.

-- Маменька! Что такое угол?

Ничто не могло быть в такой ужасной противоположности с мыслями, которым предавалась теперь Матрена Филипповна Федулова, как вопрос ее дочери, прелестной Фетиньи Федотовны. Купчиха вздрогнула, хотела перекреститься, но -- это не в моде! Хотела сказать: с нами сила крестная! Но это выражение тоже не в моде; хотела по крайности назвать дочь дурую, но ведь и это не в моде!.. Что тут делать? То не в моде, другое не в моде!.. Высший тон не крестится в изъявлении того, что удивляется чему-нибудь; не призывает святых на защиту от глупцов и не бранит людей, сказавших без намерения что-нибудь для него неудобное, -- высший тон благочестив истинно и благоразумен во всех случаях жизни. Федулова не понимает: что, как, почему и отчего делается у них так, а не иначе, но копирует верно.

-- Какой угол, милая? Что ты говоришь? Где видишь его?

-- Да вот, маменька, вот сейчас проезжаем мимо; видите, на окне бумажка с той стороны стекла приложена? Теперь худо видно, а как мы ехали на гулянье, то я хорошо рассмотрела и прочитала слово "угол", написанное на этой бумажке. Что это значит, маменька? Я почти все гулянье думала об этом слове.

-- Надобно, чтоб голова твоя была очень пуста, милая Фетинья, когда целое гулянье думала об одном слове, написанном на лоскутке бумаги, приклеенном за окном! Это не стоило минуты размышления; и как можно обращать внимание на какой-нибудь уличный вздор! Не люблю я этого, Фетинья! И прошу тебя, если не можешь мыслить о чем-нибудь лучшем, то хоть не говори мне о тех пустяках, который лезут тебе в голову!.. Угол! Г-м! И это сказала мне дочь моя?

Федулова с досадою отвернулась и стала смотреть в окно кареты, противоположное тому, близ которого сидела пленительная Фетинья. Так доехали они домой. Федулов ждал уже их, чтоб вместе пить чай. Заметь унылый вид дочери, он стал было спрашивать, отчего она так невесела, но Матрена Филипповна упредила ответом, что у Фетиньюшки разболелась голова: "Она сегодня слишком рано встала; ей надобно успокоиться; поди, милая, в свою комнату, я пришлю тебе туда чаю, выпей чашечки две погорячее и ляг